

П И О Н Е Р

Август-сентябрь

Издательство „Правда“ 1944 г.

8-9 12

1944
8-10

Сергей Михалков

Про победу

Начинаю третью быль!
Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...
По дорогам, там и тут,
Волки серые бредут.

Их не десять и не двадцать,
Их не двести пятьдесят, —
Может армия набраться
Офицеров и солдат!

Друг за дружкой, пешим строем,
По камням и по траве,
Пленных немцев под конвоем
Гонят к матушке-Москве.

Облаками пыль клубится
Над дорогой фронтовой...
Что не весело вам, фрицы?
Что поникли головой?

Вы не ждали, не гадали,
Ни во сне, ни наяву:
Только так, как хочет Сталин,
Попадёте вы в Москву!

Мимо вас везут трофеи
В наши русские музеи,
Чтобы людям показать,
Чем вы нас хотели взять.

А навстречу мчат машины
Наших доблестных полков:
«Далеко ли до Берлина?!» —
Вам кричат с грузовиков.

«Не устанут наши ноги, —
Сталинградцы говорят, —
На Берлин ведут дороги,
Отомстим за Сталинград!»

«Мы предъявим счёт Берлину
За родную Украину!» —
«Мы за Минск!» — «А мы за Крым!» —
«За людей, в печах сожжённых
И в неволю увезённых, —
Отомстим!»

Облаками пыль клубится,
По дорогам, там и тут,
Францы, Морицы и Фрицы —
Душегубы и убийцы —
Под конвоем в плен идут.
Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...

Продолжаю третью быль!
Под победный грохот пушек
Против немцев, в наши дни,

В море, в небе и на суше
Мы воюем не одни.

Три народа-исполина,
Дело правое творя,
Доберутся до Берлина
Через горы и долины,
Через реки и моря.

С ними рядом, с ними вместе,
Как поток, ломая лёд,
Ради вольности и чести
И святой народной мести
За народом встал народ.

«Мы, — сказали югославы, —
Не уступим нашей славы!
Нам под немцем не бывать!»
И словаки заявили:
«Нашу волю задавили!
Как же нам не воевать!»

ЖЕ ЗКЮП
п- ПIONEР
N 8,9,10-1944г.

же,
грек.

Н О В И Ч К И

В. Осеева

Рис. Т. Мавриной.

Я была больна и целые дни проводила на балконе. Наверху синело небо с мягкими разорванными облачками; в полинявшей осенней зелени деревьев кричали воробы. А внизу прыгали, смеялись и кричали дети. Я не прислушивалась к их голосам, не запоминала их лиц и имён. Но однажды утром из нижней квартиры вышла маленькая девочка с большой сумкой. Она остановилась под моим балконом, пересчитывая зажатые в руке деньги. Балкон был так низко над землёй, что я хорошо рассмотрела эту маленькую хозяйку двумя косичками и серыми глазками... Сначала я видела только ровную полоску пробора на аккуратно причёсанной голове, длинные ресницы и пухлые губы. Но потом она подняла голову и, глядя куда-то вверх, стала перечислять вслух то, что ей нужно было купить:

— Щавель... картошка... лук... — При этом она всё время высовывала кончик языка, озабоченно смотрела на свою ладошку со смятыми деньгами и тихонько соображала: — Можно без луку...

Она была в большом затруднении, а когда из дома вылез пухлый розовый мальчуган и протянул ей пустую бутылку, она совсем растерялась:

— Ах, бабушка...

Малыш посмотрел на неё круглыми карими глазами:

— Мише — молока...

— Ну, вот... — растерянно сказала девочка и, оглянувшись, крикнула:

— Бабушка, возьми Мишу!

Потом присела на корточки, вытащила из кармана чистую тряпочку и вытерла малышу нос.

— Я сегодня куплю щавель... зелёный... — нараспев сказала она.

— И молока, — обхватив её шею толстыми ручками, добавил малыш.

— А луку куплю тебе свежего-пресвежего...

— Нет, молока, нет, молока... — запротестовал малыш, оттопыривая нижнюю губу и глядя на девочку исподлобья, обиженно, со слезами...

— Бабушка, возьми Мишу! Бабушка!

Нижнее окно раскрылось, и оттуда выглянула старушка.

— Батюшки мои, да как же это он вылез-то? — сказала она, протягивая руки.

Девочка, покраснев от натуги, подняла брата и посадила его на подоконник; потом она отдала старушке пустую бутылку и побежала к калитке.

Она вернулась скоро. Сумка, из которой торчала всякая зелень, перевешивала на бок её тонкую фигурку. Но лицо было довольное, глаза возбуждённо блестели.

Старушка, шлёпая туфлями, семенила ей навстречу.

— Бабушка, я всё-всё купила. А тётянка одна такая добрая попалась, всё спрашивала, как я хозяйничаю. Я ей сказала, что у нас и папа и мама на фронте. А Мише я вот что купила...

Она вынула из корзинки красного петушка на длинной палочке.

— Его сосать нужно! Сладкий, прозраченький!

Она сглотнула слюнку и счастливо улыбнулась.

— Ну и себе бы купила, — с сожалением сказала старушка.

— Ну, себе! Скоро печенье выдадут!

Дверь захлопнулась, и на дворе стало тихо.

А под вечер на асфальтовую площадку

собрались ребята со всего двора. И в этот раз я стала различать их голоса, имена и лица. Моя знакомая, которую звали Лёлей, играла с девочками в мяч, прыгала через верёвочку. Прыгая, она всё время поглядывала на своего толстого братишку, который вертелся около старших ребят. Они охотно сажали его на плечи, любовно тискали в объятиях и смеялись каждому его слову:

— Медвежонок! Медвежонок!

— Мишка-Топтыжка!

Малыш тарашил глаза:

— Я боец... с пушкой!

Ребята умилялись:

— Ух ты, малыш!

Лёля бросила игру.

— Не жмите его... Не надо руками трогать... Он похудеет от этого,— озабоченно говорила она, поправляя на братишке съехавший фартук.

— Ну да, похудеет! Он жирняк!

— Я жирняк,— к общему восторгу заявил мальчуган.

Я слышала во дворе разные имена: Боря, Витя, Катя, Лёша,— но одно имя заставило меня прислушаться. Мальчика звали Анатолием. Не Толя, не Толька, а Анатолий! На мальчишке был шёлковый красный галстук. Приходил он под вечер и собирал около себя всю детвору. Старшие и младшие ребята шумно встречали его при-

ход. Он заводил веселые игры, читал вслух сказки и командовал малышами. В этот вечер он уселся под моим балконом на каменном выступе:

— Малыши, вперед! Равняйся! По росту!.. Живо!..

Малыши, толкая друг дружку, выстроились в одну шеренгу. Лёля стала второй, а Миша, держась за чью-то курточку,— последним.

— Семилетки, два шага вперед!

Девочки и мальчики постарше заволновались, переглянулись. Анатолий повторил команду:

— Кто в школу скоро пойдёт, два шага ко мне!

Тогда они поняли и, раздвинув маленьких, торжественно выстроились перед Анатолием. Их было шесть. И среди них была Лёля. Её глаза сияли, голова держалась прямо, косички с чёрными бантиками торчали в разные стороны. И тут я хорошо рассмотрела Анатолия. Ему было лет двенадцать, но выглядел он старше. Может быть, от густой пряди волос, которая всё время спускалась ему на лоб, или от чёрных глубоко сидящих глаз, которые умели быть серьёзными, когда он улыбался. Сейчас он прошёлся перед трепещущими новичками и важно сказал:

— Протяните руки. Так. Руки у вас грязные... С такими руками в школу не принимают!.. Не вымоете, а отмоете. Вот!.. Через неделю пойдёте в школу,— платья должны быть чистые, носы чистые, сумки или портфели вам матери купят...

— Мне уже купили! — крикнула одна девочка.

Новички зашевелились:

— И мне купили!.. Пенальчик синенький! И карандаши разные!

— А мне портфель купили! И тетрадки!

— А мне ручку и карандаш мама купила и шапку новую...

Я посмотрела на Лёлю. Она молчала, и лицо у неё было такое, когда она считала на ладони деньги...

Улыбка медленно сбегала с её губ, она сразу как-то осунулась и, тревожно сглядываясь по сторонам, пряталась за спины ребят. Мне казалось, что я слышу, как испуганно и быстро стучит её сердечко.

— Завтра,— сказал Анатолий,— сделаем репетицию! Приходите все в чистых платьях, с чистыми руками — абсолютно!

Слово «абсолютно», видимо, доставило ему, самому большое удовольствие, а малышей даже испугало.

— Абсолютно! — тихо повторили они. И, вырвавшись из строя, окружили Анатолия: — Можно с подарками? Можно с портфелями?

И, получив согласие, весело запрыгали: — Завтра, завтра!.. Все с подарками!

Лёля незаметно исчезла.

Я нашла у себя хорошенький красный блокнотик и, успокоенная, заснула.

Утром я услышала лёгкие шажки. Лёля шла с покупками — в руках у неё была та же сумка, из неё был виден хлеб, молоко и какой-то белый продолговатый предмет.

Потом она вышла из дому с Мишей, посадила его на травку и, держа перед ним кружку с молоком, тихо ему сказала:

— Я конфетку тебе завтра куплю... Ладно, Мишенька? А? Ладно?

Малыш вертел головой, тянулся к ней мокрыми губами...

— И завтра купишь, и вчера купишь. А я сегодня хочу...

А вечером был настоящий праздник новичков. Анатолий прохаживался перед нами, как настоящий командир. Я заметила, что галстук его был тщательно разглажен, а на груди появились какие-то значки. Новички стояли как вкопанные — гладенькие, отмытые до блеска, румяные, с подарками в руках. И Лёля стояла в новом клетчатом платье, прижимая к груди белый продолговатый предмет. Анатолий вызывал каждого, рассматривал тетрадки, кэрандаши, портфеля...

— С такими подарками, брат, отличником надо быть! А тетрадки-то у тебя чистенькие, новенькие! Смотри, чтоб ни пятнышка не было!..

— А это что? Краски? Таких красок у меня у самого нет!.. А портфель-то, портфель!

Счастливым малыш отходил на своё место. Каждая вещь от похвалы Анатолия приобретала ещё большую ценность.

— Семь лет! Ведь это всё равно, что сорок! Взрослый человек, школьник! Во как учиться надо... Я вас до самой школы с барабаном провожу! С треском!

Ребята смеялись.

У Лёли Анатолий взял из рук пенал.

— Вот это пенал — так пенал!

Он украдкой посмотрел на опущенные пустые руки девочки — у неё больше ничего не было.

— Вот это пенал — так пенал! И с крышкой!.. Будешь отличницей, обязательно!

Потом он посмотрел подписи на всех подарках: от папы, от тети, от брата, от мамы... А у Лёли было написано: «От Лёли Колосковой — на память Лёле».

Тут Анатолий загнулся. Вскинул вверх брови.

— Как? Как? — закричал он, ворочая во все стороны пенал... И, не выдержав, расхохотался: — Да ведь ты же сама Лёля Колоскова! Сама!

Лёля покраснела, взяла у него из рук пенал и пошла к дому... Анатолий кинулся за ней, но она скрылась в дверях.

— Анатолий! — крикнула я. — Что ты сделал, Анатолий?

Он поднял голову, подошёл к балкону. Он был озадачен, потому что ни разу не видел меня прежде.

— Ей некому дарить, понимаешь?

Он слушал меня, тёр ладонью щёку, виноватый и опечаленный. Потом, откинув со лба зрядь волос, сказал:

— Я всё исправлю. Я не подумал. Мы ей от всего отряда пришлём подарки.

На другой день к вечеру я услышала у нас в коридоре голос Анатолия. Он пришёл ко мне посоветоваться. Сел около меня на стул, вытащил из кармана небольшой свёрточек и осторожно разгладил на коленях батистовый платочек, обвязанный голубым шёлком, красную ленту, тетради, цветные карандаши...

— Наши пионерки достали.

Я одобрила все вещи. Анатолий обращался с ними осторожно и неумело. Ленту он наверхнул на палец и не мог снять её, а платок, соскользнувший с его колен, нашёл под своим ботинком и очень огорчился. Дул на него, тряс за кончик и, свернув в тугую трубочку, наконец, спрятал в карман. Тогда я отдала ему красный блокнот. Он принял его с восторгом и выразил сожаление, что не может достать портфель.

Я показала ему свой:

— Здесь сломан замочек.

— О, мы сделаем!

Он схватил портфель с видом знатока, вытащил из кармана перочинный нож, выковырнул замок, вывернул весь портфель наизнанку и заявил мне, что завтра он будет готов, чему я не очень-то поверила, глядя на зияющую дырку вместо замка и распотрошённую внутренность подкладки. Но пока он работал, мне доставляло удовольствие смотреть, как, схватив двумя пальцами нижнюю губу, он по-взрослому хмурит брови или, выкручивая замок, посвистывает сквозь зубы. А

прядь волос щекочет ему лоб и лезет на глаза... Ушёл он очень довольный...

А на другой день он забежал на одну минутку, принёс блестящий неузнаваемый портфель, без конца щёлкал у меня над ухом новым замком и объяснял какой-то сложный состав, которым он помазал кожу, чтоб она блестела...

— Правда, она липнет к рукам и издаёт запах...

Потом он сложил все вещи и ушёл.

А вечером, прижавшись щекой к перилам, я, не отрываясь, смотрела на Лёлю: она стояла в строю со своим пеналом...

Анатолий держал в руках туго набитый портфель.

— Ребята! Наш отряд прислал подарки. Эти подарки просили передать девочке, которая помогает своей бабушке и нянчит братишку, а зовут её Лёля Колоскова! Есть такая?

Лёля вспыхнула, растерялась...

— Есть, есть! — закричали ребята. — Вот она!

Строй сомкнулся, и упирающуюся Лёлю вытолкнули на середину круга.

Анатолий одну за другой вынимал из портфеля собранные в нём вещи. Руки у Лёли всё наполнялись и наполнялись. Она с трудом держала свои сокровища...

А потом принесли барабан. Начались оглушительный треск, пение, маршировка. И Лёля шагала среди других новичков, сияющая и серьёзная.

За грибами

Хорошо ходить осенью за грибами. Убывают дни. Темнее и холоднее становятся ночи. И долго по утрам не просыхает роса в тени. Днём беловатой дымкой окутана прозрачная даль. Опустели побуревшие поля. Какая-то истома и усталость разлиты в примолкшей природе. Как великолепно по-своему это время — русская красная осень.

Молчалив лес, а как нарядно он расцветает! Такие краски на лиственных деревьях, будто они молча поют. Колоннадой высятся ряды лилово-бурых еловых стволов. Под ними далеко внизу всё видно. В гуще хвойной сизой дымкой мглятся прохладные лесные потёмки. Под ноги на скользкую золотую сушь иголок, на седые мхи, на брусничник пази зеркальными лоскутками трепещущие солнечные блики. Тшь и тень. Ноги то скользят по сухой хвое, то мягко утопают в подушках моховых кочек, а глаза так и бегают: где они, грибы?! И вот — пожалуйста! — целая огромная семья опять приютилась у старого пня. Только не ленись, собирай!

Л. Зуб

«Запорожцы».

Масло. 1880 — 1891 годы.

Илья Ефимович Репин

В одной сказке спрашивают у мудреца: «Какое самое важное время для человека и какое самое важное место и важное дело?»

Мудрец отвечает: «Прошлое прошло, будущего ты не знаешь, и самое важное время у тебя — время твоей сегодняшней работы, и самое важное дело, которое ты делаешь, — это то, которое ты делаешь сейчас, и самое важное место в мире — это то, где ты сейчас находишься».

В военном деле это значит: каждый рубез решающий. Ежедневно будь готов к труду и подвигу.

В мирное время это значит, что нет захластья, нет времени, которое идёт пока что.

Горький родился в нищающей семье, на окраине небольшого города, в глухое время. Он любил свою родину и вырос в мирового художника. Он нашёл своё место в революции и стал нужным миру.

Илья Ефимович Репин родился сто лет тому назад в маленьком городе на Украине — Чугуеве.

В то время в России существовали военные поселения.

Россия победила Наполеона, освободила Европу, но она была страной крепостного права. Для того чтобы идти вперёд, надо было менять строй русской жизни.

Император Александр I, а потом император Николай пытались сохранить военную мощь России созданием военных поселений. Крестьянин должен был пахать и обучаться военному строю. Население делилось на хозяев — на богатых мужиков — и нехозяев. Нехозяева фактически были батраками хозяев.

Это были солдатчина и рабство вместе.

Народ на это не соглашался. Подымались бунты.

Чугуевцы отбивались от военных поселений. Звали их «немогемцами», потому что на приказание подчиниться они отвечали: «Не могу».

В своей автобиографии Репин пишет: «Я родился военным поселенцем украинского военного поселения. Это звание очень презренное, ниже поселен считались разве ещё крепостные».

Жизнь была трудная, и когда мать Репина на работе целовала его, он спрашивал её: «Могут ли поселенки целовать?»

Но за этим трудом подневольным Репин видел Россию. Он описывает в своей хорошей книге «Далёкое-близкое» талантливый, гордый народ. Люди умеют петь, умеют мечтать, любят искусство. Люди гордятся своим отечеством.

Семья Репина жила в нищете.

«У нас, — вспоминает художник о своём детстве, — было бедно и скучно, и мне часто хотелось есть. Очень вкусен был чёрный хлеб с крупной серой солью, но и его давали понемногу...» Единственной радостью мальчика было рисование. Он увлекался игрой — вырезывал лошадок из бумаги, делал коней из палок.

«Я наловчился вырезать уже быстро, — пишет Репин, — начав с копыта задней ноги, я вырезывал всю лошадь; оставлял я бумагу только для гривы и хвоста и после мелко разрезывал и подкруглял ножницами пышные хвосты и гривы моих загинастых лошадей... К нашим окнам так и шли. Кто ни проходил мимо, даже через дорогу переходили к нам посмотреть, над чем это соседи так смеются и на окна указывают пальцами. А мы-то хохочем, стараемся и всё прибавляем новые фигурки».

Репин рано начал заниматься искусством.

Горький в книге своей вспоминает о том, как он был учеником иконописца. Горький вспоминает книги, прочтённые в детстве.

В далёком Чугуеве Репин тоже нашёл и книги и учителей. Репин ощущает себя удачником. Он в своих воспоминаниях никогда не жалуется и описывает людей добрыми. Пишет о них с уважением.

Среди иконописцев были очень талантливые люди. Когда через Чугуев проезжал известный художник Айвазовский, чугуевские живописцы во главе с молодым Персоновым познакомились с знаменитым художником, показали ему свои работы. Айвазовский подарил Персонову кисть в знак уважения.

Молодой Репин рано выделился среди своих товарищей, но он себя им не противопоставляет.

Под Чугуевом работал Репин — по церквам. Учился своему делу, учился уважать людей, узнавал свою страну.

Потом он поехал в Петербург, поступил вольнослушателем в Академию и после нелёгкой работы стал великим художником.

Для этого надо было не только учиться рисовать.

Были мастера, умеющие, как тогда говорили, хорошо тушевать. Делать лёгкий штрих, как делают гравировщики. Этому искусству удивлялись.

Но Репин учился иначе. Он хотел передать природу. Он увлекался не штрихом, а правдой, как бы не замечая мастерства и работая

«Л. Н. Толстой в яснополянском кабинете». 1891 год.

позтому особенно много. В своих работах он хотел передать подлинную жизнь.

У старой Академии, в которую попал Репин, было много грехов: она связывала художников, обезличивала их, но к Репину она отнеслась с уважением. У Репина были талантливые товарищи, и среди них он говорит с большим уважением о молодом, рано погибшем Васильеве.

С Васильевым уехал Репин совсем молодым на Волгу и здесь создал свою прекрасную картину «Бурлаки на Волге».

Чудесно описывает в своей книге Репин русский пейзаж, характеры бурлаков, поиски героев картины. «Бурлаки», как и другая знаменитая картина — «Крестный ход в Курской губернии», — замечательны характеристичностью людей, на них изображённых, глубоким знанием России.

«Бурлаки на Волге».

Масло. 1870 — 1873 годы.

Откуда это?

В произведениях наших лучших писателей-классиков иногда выступают в качестве действующих лиц моряки. Их не так уже много, этих морских людей, в русской литературе: каждый внимательный читатель должен помнить и узнавать каждого из них по двум-тремя строкам цитаты.

Вот любопытный диалог из одной известнейшей пьесы:

«А. А как, позвольте ещё вам сделать вопрос, на каком языке изъясняются в Сицилии?»

Ж. А натурально все на французском.

А. И все барышни решительно говорят по-французски?

Ж. Все-с решительно. Вы даже, может быть, не поверите тому, что я вам доложу: мы живи 34 дня, и во всё это время ни одного слова я от них не слышал по-русски.

А. Ни одного слова?

Ж. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянах и прочих сеньорах, то-есть разных ихних офицерах, но возьмите нарочно тамошнего простого мужика, который перетаскивает на шею всякую дрянь, попробуйте скажите ему: «Дай, братец, хлеба» — не поймёт, ей-богу, не поймёт, а скажи по-французски: «Datez del pain» или «Portate vino» — поймёт и побежит, и точно принесёт.

И. П. А любопытная, однако-же, как я вижу, должна быть земля эта Сицилия...»

Земля поистине любопытна. Однако небезынтересно узнать также:

1. В каком чине состоит моряк Ж.?
2. В каком году он был на Сицилии?
3. Когда был произведен в мичманы?
4. Кто и где изобразил его в литературном проповедении?

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИЗОШЛО

Летом высыхает, твердеет земля. На ней трудно разглядеть следы лесных обитателей. Они видны только на иловатых и песчаных берегах речек и озёр да на пыльных дорогах.

Вот на отмели отпечатались следы лап и клюва двух вальдшнепов. Они спокойно искали в мягкой земле пищу. Из-за куста бросилась на них лиса, схватила одну из птиц. Другой вальдшнеп черкнул крылом по песку и улетел.

Несколько пёрышек осталось на песке от съеденного лисой вальдшнепа.

Мимо проходил мальчик. Отпечатки его босых ног хорошо видны на пыльной доро-

ге. Впереди выползла змея. Мальчик сломал длинную тонкую палку, расщепил один конец и вставил в расщепленный конец тонкую палочку-распорку. Расщепленным концом он подхватил змею: распорка выскочила — и палка крепко зажала змею.

Что же делать со змеей? Неподалеку от дороги мальчик увидел муравьиную кучу и бросил змею в муравейник. Как обваренная кипятком извивалась змея, усыпанная муравьями. Муравьи убили её.

Вот что мог прочитать по следам на нашей картинке в № 5-6 наблюдательный следопыт.

Д. М. Зуев

СОДЕРЖАНИЕ

Новички. — Рассказ В. Осеевой. Рис. Т. Мавриной	1 стр.	Победа моря. — Продолжение. Повесть Сергея Григорьева. Рис. П. Кузьмичёва	18 стр.
Илья Ефимович Репин — В. Шкловский	5 "	О чём мы мечтаем	24 "
Рассказ о пыли. — Владимир Орлов. Рис. Евг. Эндриксон	8 "	Заметки о футболе. — А. Вит. Фотографии Н. Волкова	28 "
Страницы из русской истории	10 "	Школьный сад. — Рис. Н. Кравченко	30 "
Петя Ликурышкин. — Рассказ Р. Фраермана и П. Зайкина. Рис. Ю. Кискачи	11 "	Откуда это?	32 "
Карта-панорама. — Лев Успенский. Рис. Ю. Кискачи	16 "	Игры-минутки. — В. Яковлев. Рис. А. Брея	III п. обл.

На обложке: акварель А. Ромодановской „Москва“.

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. А., Сысоева А. А.

Подписано к печати 21/IX-44 года.

Изд. № 576.

А5290.

82×110.

1/16 бум. листа.

76 999 печ. зн. в печ. листе.

2 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ 1850. Тираж 24.000 экз.